

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 15-го июля 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ къ № 9135.

ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ.

Посреди ночи казенный лѣсникъ Федоръ Корочкинъ по обыкновенію проснулся, сѣлъ на кровати и, не зажигая огня, сталъ одѣваться.

— Ты что? — спросила его жена заспан-
нымъ голосомъ.

Корочкинъ не отвѣчалъ.

— Уходишь?

— Да.

Женщина вздохнула. Она хотѣла было отчитать мужа за глупый характеръ, но раздумала. Она знала по долгому опыту, что изъ ея словъ не получилось бы ничего, кромѣ раздраженія, а раздражаться ей не хотѣлось; ей хотѣлось спать.

Лѣсникъ одѣлся, напился изъ жбана теплого, кислого кваса, нашелъ ощупью картузъ и вышелъ.

Его изба одиноко стояла среди много-
лѣтнихъ прямыхъ сосенъ... Около не было даже полянки, и боръ чуть ли не отъ воротъ. Сосны шумѣли, и темнота между нихъ глядѣла холодно и жутко.

Первые мѣсяцы своей службы Корочкинъ до дрожи боялся этой темноты, но

Генераль-лейтенантъ Ц. А. Кюи,
профессоръ Николаевской военно-инже-
нерной академіи, известный композиторъ.
(По поводу 50-лѣтия служебной дѣ-
ятельности).

Онъ причалилъ немнога ниже костра и, вытащивъ носъ лодки на мокрый песокъ берега, пошелъ къ огню. Около костра лежали на разостланномъ старомъ пледѣ двое — юноша, пять двадцати, въ студенческой тужуркѣ и сѣдой старицъ съ благообразнымъ, строгимъ лицомъ. Оба повернули свои головы по направле-
нию къ Корочкину.

— Здравствуйте, — сказалъ тотъ, опу-
скаясь около нихъ на кучу хвороста.

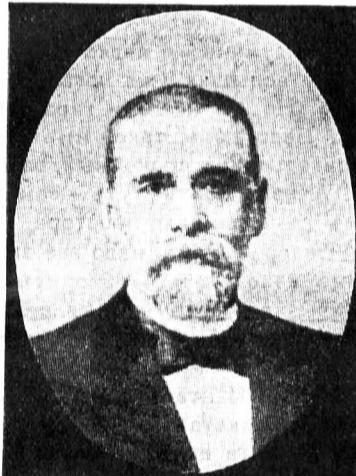
— Пріѣхали?

— Да, какъ видишь, — отвѣчалъ ста-
рикъ. — Рыбачимъ отъ нечего дѣлать... Ну, а ты? (въ голосѣ говорившаго по-
слышалась чутъ замѣтная иронія) все скучаешь?

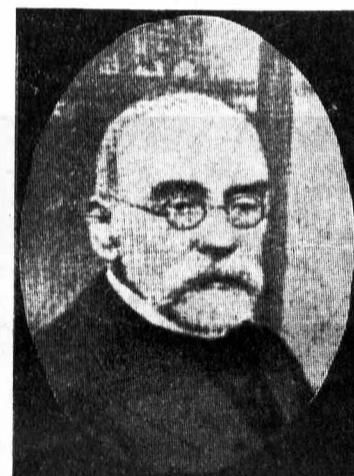
— Да.

Корочкинъ помолчалъ немнога и при-
бавилъ.

— Скучно, страхъ скучно, Иванъ Гри-
горьевичъ... Особенно ночью. Вѣда. Такъ и тянется... А куда? Самъ не знаю. Скучно. Костеръ ярко освещалъ блѣдное, съ боль-
шими, тоскующими глазами лицо лѣсника. Онъ обхватилъ руками свои ноги ниже
колѣнъ и замеръ въ этомъ положеніи.

Александръ Мих. Кузминскій,
сенаторъ уголовнаго кассационнаго
департамента Правит. Сената.

Авг. Карл. фонъ-Резонъ,
сенаторъ уголовнаго кассационнаго
департамента.

Петръ Альб. Кемпе,
оберъ-прокуроръ уголовнаго ка-
ссационнаго департамента Прав.
Сената, докладчикъ по дѣлу В. И.
Гурко.

мало по-малу привыкъ къ ней, и теперь окунулся во мракъ, вовсе не думая о немъ.

Онъ шелъ, по узенькой, утоптанной дорожкѣ, опустивъ голову.

Совсѣмъ близко застоналъ и тяжело сорвался съ места громадный филинъ... Быстро пересѣкъ дорожку пугливый заяцъ, а колючій ежъ сжался, пофыркивая, въ клубокъ отъ неосторожнаго удара ноги лѣсника. Но Корочкинъ ничего этого не замѣчалъ. Онъ все шелъ и шелъ впередъ по извилистой тропинкѣ, то опускаясь въ сырую ложбину, поросшую молодымъ березнякомъ и тальникомъ, то поднимаясь на сухой и мшистый холмъ.

Черезъ полчаса, взбравшись на высокую сравнительно гору, онъ остановился и приглядѣлся. Подъ горой текла

широкая рѣка, теперь темная и непри-
вѣтная. Берегъ съ этого бока былъ лѣ-
систый и очень обрывистый; мѣстами онъ кончался даже отвесной стѣной въ нѣсколько саженъ. Но съ другой стороны шла низкая пологая степь, кое гдѣ по-
росшая небольшими рощицами. У самаго берега, очевидно около затона, мига-
тель огонекъ костра. Этотъ-то огонь и былъ нуженъ лѣснику.

— Пріѣхали, — прошепталъ онъ съ видимымъ облегченiemъ... — Хорошо... Осто-
 рожно, кое гдѣ хватаясь руками за кусты и траву, Корочкинъ спустился съ горы и, пройдя сажень тридцать вдоль берега, очутился у прикованной лодки. Отковавъ ее, онъ сѣлъ за весла, оттолкнулся и привычными, увѣренными взмахами пере-
плылъ рѣчку.

— Чего же тебѣ скучно?

— Самъ не знаю. Какъ выйдешь изъ избы, да посмотришь вокругъ — глушь, ни-
кого нѣтъ... И скучно. Вотъ, подумаешь,
слова не съ кѣмъ сказать... Жена.. Да
мы съ ней все уже переговорили.. Все,
какъ есть. Кабы увидѣть что, а то... одни
деревья... Каждый день. А, вѣдь, людей-то
много... Есть города, страны... И ничего
не узнаешь... Скучно.

Лѣсникъ низко нагибаетъ свою голову.

— Кабы дѣти были, а то и ихъ нѣтъ.
Пробовать я охотиться, рыбачить... Нѣтъ
не лежить сердце. Да и жалко. Живая
тварь... Эхъ!..

Онъ встаетъ на ноги и улыбается ви-
новатой, застѣнчивой улыбкой.

— Эхъ! Вѣрно это. Глупый я человѣкъ.
Правильно вы, Иванъ Григорьевичъ, меня

М. Н. Воронцова-Ленни,
артистка театра „Фарсы“,
скончалась въ Москвѣ.

дурной башкой называете... И одно мнѣ осталось, должно быть... Сопьюсь я...

Наступает длинная пауза. Старикъ, неодобрительно качая головой, тянется къ хворосту, съ которого только что всталъ Корочкинъ и подбрасываетъ въ костеръ нѣсколько сучьевъ. Его молодой спутникъ лежитъ на спинѣ, устремивъ неподвижный взглядъ въ темное небо, потомъ рѣзкимъ, неожиданнымъ движениемъ приподнимается.

— Тогда вы, дѣйствительно будете дурной башкой, Федоръ,—говорить онъ.

— Я?

— Ну, да—вы. Сопьюсь! Сопьюсь легко, только, вѣдь, это конецъ, конецъ всему. А я, вы думаете, не скучаю здѣсь? Еще какъ!

Въ этой проклятой глуши всѣ должны скучать... всѣ живые. Только зачѣмъ же тутъ оставаться? Надо уйти отсюда. Вотъ и все. Къ людямъ, къ жизни! Уйти надо, Федоръ!

Юноша, видимо, волнуется. Онъ поправляетъ сучья ярко вспыхнувшего костра и говоритъ дальше.

— Вы—молоды, жена ваша—тоже. Уговорите ее. Уходите оба въ городъ. Мѣсто найдется для обоихъ, не пропадете. Поступите на фабрику, на заводъ, въ контору... Почекъ у васъ хороший и грамотный... Чего еще? Или.. изъ села въ село, изъ города въ городъ... Бродить, глядѣть на мѣръ, на людей... Ахъ, какъ это хорошо. Федоръ! Уходите же! Вы—человѣкъ общественный и протестующій, вы найдете, чѣмъ жить. А я! О, съ какимъ удовольствіемъ ушель бы я...

Молодой человѣкъ въ свою очередь поднимается на ноги и нервно стискиваетъ руки..

А. П. Чеховъ-студентъ.

— Ушель бы и не оглянулся... Тула, въ центръ, прочь изъ этой глухи, отъ этого лѣса, гдѣ только можно, что надѣ рѣкѣ съ улочками торчатъ... Какъ противно тутъ, какъ глухо...

Онъ обрывается фразу, наступаетъ молчаніе; потомъ лѣсникъ спрашиваетъ тихо.

— Васъ на три года выслали сюда?

— Меня?.. Да. Еще годъ остался. Соскучился, Федоръ... Не хуже васъ. Тожеnochей не сплю... Да это вѣрно.

Максимъ Горкій.
Бюстъ работы известнаго австрійскаго художника
Франца Зелазнаго.

Студентъ задумчиво и мягко улыбается. Его недавняя вспышка уже погасла

— Вѣрно. Не съ нашими характерами тутъ жить. Надо, вотъ, такой имѣть, какъ у Ивана Григорьевича, спокойный, рассудительный... А намъ жить тутъ—самоубийство. Намъ съ вами надо простора, шума, олосовъ, Федоръ. Намъ надо все знать..

— А мнѣ надо спать,—говорить старикъ, позывая,—вотъ что, Андрей Павловичъ, уснуть вы все равно не успнете, а будете тутъ, такъ и мнѣ помѣшаете. Лодка у васъ есть. Идите лучше, какъ въ прошлый разъ, покатайтесь, а я вздремну пока.. До разсвѣта еще далеко. Наговоритесь до сыта.

— Что жъ!—соглашается студентъ—я не прочь. Это—правда. Чѣмъ тутъ стоять, лучше прокатимся.

Черезъ полчаса костеръ почти совсѣмъ потухаетъ. Около него тихо похрапываетъ, укутавшись въ плѣдъ, старикъ, а за версту выше, по безлюдной, нѣмой рѣкѣ єдуть въ лодкѣ Андрей Павловичъ и Федоръ. Послѣдній, еле-еле перебирая веслами, жадно слушаетъ, что говорить студентъ. А тотъ, глядя въ сумракъ передъ собою, точно видя тамъ рисуемыя картины, говорить о большихъ городахъ, обѣ ихъ жизни, о великихъ человѣческихъ движениихъ и идеяхъ.

П. Лозановъ.

Вновь открытые афоризмы Гете.

Въ веймарскомъ „архивѣ Гете и Шиллера“ найдены 17 до сихъ поръ не напечатанныхъ афоризмовъ Гете, право на издание и доступъ къ которымъ принадлежать предварительно членамъ „Общества Гете“.

Приводимъ нѣкоторые афоризмы.

* * *

Актеры играютъ сердцами, но не отдаютъ своихъ; зато они обманываютъ съ пріятельствомъ.

* * *

Не любить тѣтъ, кто не считаетъ недостатки любимаго существа добродѣтельями.

* * *

Въ старинныя времена нѣмцы считаютъ вободу мысли и печати ничѣмъ инымъ, какъ возможностью гласно унижать другъ друга.

* * *

Въ новѣйшее время нѣмцы считаютъ вободу мысли и печати ничѣмъ инымъ, какъ возможностью гласно унижать другъ друга.

* * *

Волкъ въ овечьей шкурѣ менѣе опасенъ, чѣмъ овца въ какой-нибудь другой, въ которой ее принимаютъ за нѣчто большее обыкновенной домашней скотины.

* * *

День, какъ таковой, весьма ничтоженъ, если не считать пятнадцатиами, то неожидаешь ни одного сна.

* * *

День, это—заблужденіе, ошибка; время —успѣхъ, удача.

* * *

Скромность—принадлежность хорошаго, замкнутаго общества. Въ кругахъ болѣе широкихъ нескромность всегда прибыльна. Но рѣзкость и грубость непремѣнно проявляются на народномъ сборищѣ, на которомъ хочетъ говориться чернь, и которое нужно или перекричать, или замолчать самому и запереться дома.

* * *

Годы—словно сивиллины книги: чѣмъ больше ихъ сгораетъ, тѣмъ они дороже.

* * *

Кто предвидитъ, тотъ господинъ своего дня.

* * *

Нѣть такого положенія, котораго нельзя было бы облагородить дѣломъ или терпѣніемъ.

Заграничная жизнь.

Триумфъ воздухоплаванія.

Многія сотни тысячъ народу были очевидцами „сна на яву“—на Лонгшанскомъ смотрѣ въ Парижѣ. Въ первый разъ въ маневрахъ войсковыхъ частей прикималь участіе послушный рукѣ человѣческой воздушнаго корабля „Patrie“. Математической точностью маневрированія, быстротой передвиженія, почти абсолютной независимостью отъ атмосферныхъ условій, аэростатъ военного министерства Франціи, сооруженный для него братьями Лебоди, доказалъ воочию свою полную пригодность для поставленной цѣли. Шаръ движется, влекомый своимъ могучимъ моторомъ, не только по вѣтру и противъ вѣтра, но и съ вѣтромъ въ бокъ. Вотъ какъ описывается одинъ восторженный очевидецъ полетъ „Patrie“ 14 июля:

А. П. Чеховъ на смертномъ одрѣ.

Генераль арміи спасенія Бутсъ, избранный оxfordскимъ университетомъ докторомъ правъ, въ признательность за его заслуги въ служенія человѣчеству.

„Было почти девять, когда вдали, высоко надѣ церковной башней Медона, показалось вдругъ легкое маленькое облачко, словно желтоватая рыбка, плывущая въ свѣтлой лазурѣ. „Voilà le dirigeable!“ говорить господинъ за моей спиной, который имѣеть видъ офицера въ штатскомъ, а спустя минуты три можно уже ясно различить контуры воздушного корабля. Онъ описываетъ плавную лугу вокругъ колокольни и берегъ курсъ на Лонгшанское поле, где какъ разъ войска начиняютъ дефирировать предъ президентомъ и спокойно соразмѣряя быстроту, стано-

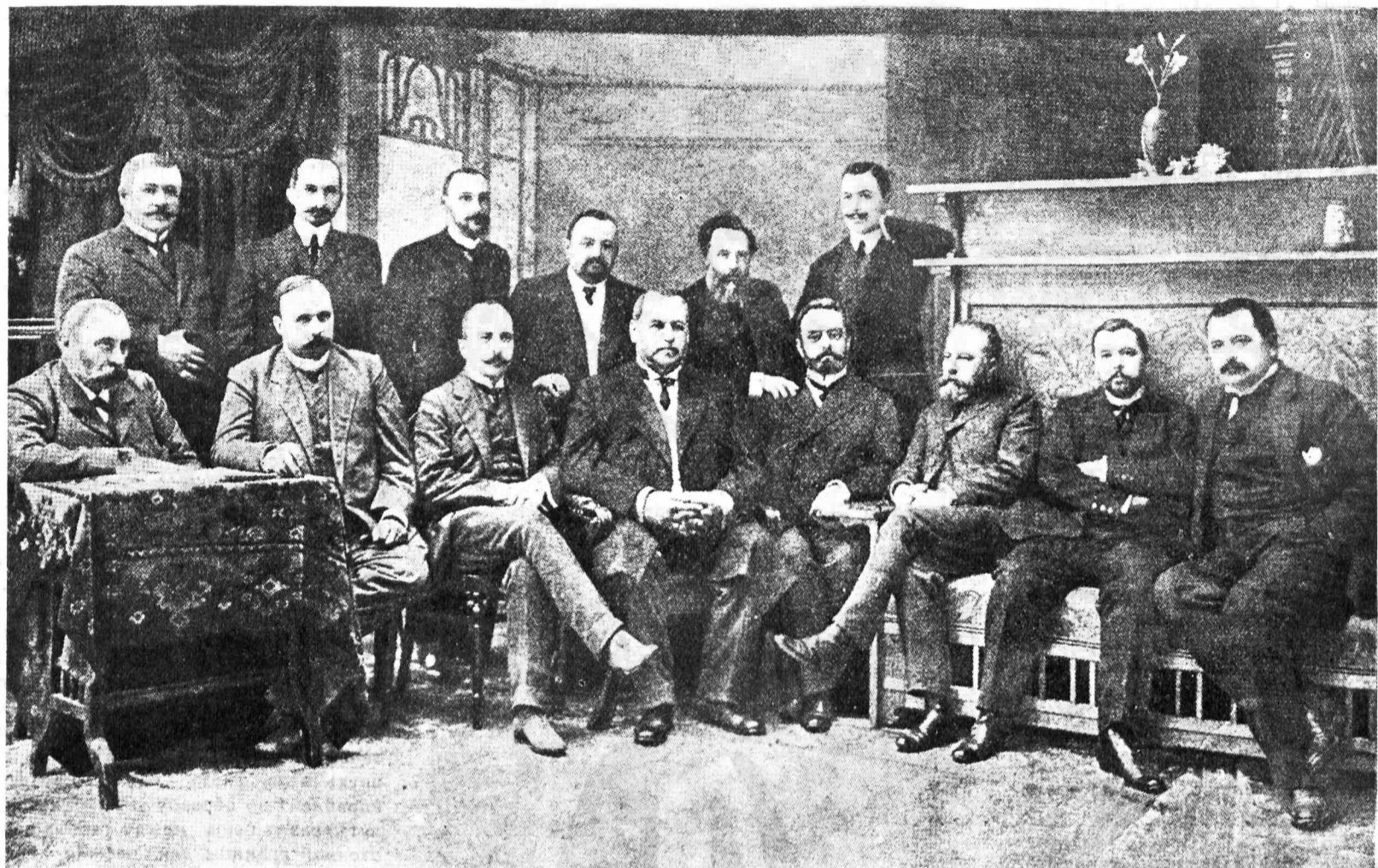
вится въ строй съ „аэростѣрами“—воздухоплавательнымъ корпусомъ. Вмѣстѣ съ войсками внизу, въ своей тѣни, ни разу не откинувшись ни вправо, ни влево, гигантская рыба несетъся черезъ равнину, круго дѣлаетъ на-лево кругомъ надѣ маленькой мельницей, возвращается до полпути, поворачивается къ президентской ложѣ и съ точностью отвѣса пролетаетъ между ложей и трибунами на высотѣ, приблизительно, трехъ метровъ, чтобы, сдѣлавъ опять элегантный поворотъ на-лево, быстро исчезнуть въ направлѣніи Медона. Восторженные клики, рукоплесканія масса шляпъ въ перемежку съ трепыхающими ся платками. Еще минута—и его нѣтъ“. „Patrie“—продолговатой формы, шире спереди, чѣмъ съ задняго конца, но съ острымъ носомъ. Подъ нѣсколько приплюснутымъ заднимъ концомъ, надѣ которымъ шапками вѣдуются три паруса, укрѣплѣн рулевой аппаратъ въ видѣ длинноватой формы лопасти. Ближе къ переднему концу виситъ подъ брюхомъ баллона корзина для экипажа, состоящаго изъ четырехъ человѣкъ съ офицеромъ. Повыше надѣ корзиной приложено неизвѣстное приспособленіе, вѣроятно, предназначеннѣе для обозрѣванія окрестности. „Patrie“ отлична слушается руля при вѣтре въ 6 метровъ въ секунду на любой высотѣ. Максимальная быстрота хода—31 мили, минимумъ—при вѣтре въ лобъ 18 миль въ часъ. Французскимъ правительствомъ буде сооруженъ въ теченіе двухъ лѣтъ флотъ изъ 20 воздушныхъ кораблей“ по образцу „Patrie“, которые будуть размѣщены между гарнизонами восточной границы для несенія, главнымъ образомъ, развѣдочной службы, чѣмъ освободятся большія силы кавалерии и инфантеріи. Изъ инженерныхъ полковъ подоходятъ многочисленныя прошенія о назначеніи въ новый корпусъ, но люди будутъ отобраны съ величайшими предосторожностями—на первое время не болѣе 100 человѣкъ, все офицеры съ основательными познаніями въ воздухоплаваніи и моторномъ дѣлѣ.

СМѢСЬ.

Сколько человѣкъ умираетъ ежедневно? По послѣднімъ свѣдѣніямъ международного статистического бюро, на земномъ шарѣ въ настоящее время проживаетъ всего 1 миллиардъ 500 миллионовъ человѣкъ обоего пола. Средняя продолжительность человѣческой жизни постепенно понижается и нынѣ составляетъ всего 30 лѣтъ. Такимъ образомъ, все человѣчество даннаго момента, т. е. 1,500 миллионовъ, умираетъ въ теченіе 30 лѣтъ, и ежегодно, слѣдовательно, 50 миллионовъ. Продолжая дѣлить это число на количество дней, минутъ и секундъ, получаемъ, что въ теченіе сутокъ умираетъ 137 тысячъ человѣкъ, въ теченіе часа 5,700, ежеминутно 95 и въ теченіе секунды 2 человѣкъ.

Заграничная жизнь. Въ Нью Йоркѣ въ скоромъ времени начнется постройка стеклянаго дома Паркера Булдерри, извѣстнаго американскаго миллиардера. Для стѣнъ будеть употреблено дымчатое стекло; внутреннія стѣны, лѣстницы и крыша будуть также слѣданы изъ стекла. Снаружи будеть устроена сложная система шторъ, чтобы регулировать свѣтъ, проникающій въ домъ.

Совѣтъ съѣзда земскихъ дѣятелей, происходившаго въ Москвѣ.

Въ первомъ ряду, слѣва: Н. С. Волконскій, Рязанской губ., А. А. Уваровъ, Саратовской губ., гр. Д. А. Олсуфьевъ, Саратовской губ., М. В. Родзянко, Екатеринославской губ. (предсѣдатель съѣзда), А. И. Гучковъ, Московской губ., С. Е. Бразоль, Полтавской губ., гр. П. С. Шереметевъ, Московской губ., гр. В. А. Бобринскій, Тульской губ. Во второмъ ряду: П. А. Неклюдовъ, Харьковской губ., Н. Н. Львовъ, Саратовской губ., Н. В. Савичъ, Харьковской губ., М. Д. Ершовъ, Тульской губ., И. С. Клюжевъ, Самарской губ., Г. В. Комаровъ, Новгородской губ. Въ составѣ совѣта входили, кромѣ того, Н. А. Хомяковъ, Смоленской губ., кн. Н. Ф. Касаткинъ-Ростовской, Курской губ., гр. В. А. Мусинъ-Пушкинъ, Черниговской губ., и покойный гр. П. А. Гейденъ, Псковской губ.

Неводъ изъ паутинныхъ нитей. Знаменитый русскій естествоиспытатель Миклуха Маклай, долго прожившій на Новой Гвинеѣ среди папуасовъ, рассказывалъ, между прочимъ, о сѣтяхъ для ловли рыбы изъ паутины, употреблявшихся тамошними дикарями. Коллекціи и дневники Миклухи-Маклая, какъ извѣстно, погибли во время его болѣзни; разсказы же его о сѣтяхъ паутины, въ свое время встрѣтившіе довольно скептическое отношеніе, нынѣ черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Миклухи-Маклая подтверждаются А. Е. Праттомъ. Въ извѣстіяхъ "Royal Geographical Society" этотъ изслѣдователь, прожившій вмѣстѣ со своимъ сыномъ два года (1901—1903) на Новой Гвинеѣ, даѣтъ даже изображеніе этихъ сѣтей и дикарей, производящихъ ими ловлю рыбы. Въ горныхъ лѣсахъ Новой Гвинеи, по словамъ Пратта, водятся особые пауки съ обыкновеннымъ орѣхъ величиной, съ мохнатыми, дюйма въ два длиною ногами. Новая сѣть, которую раскидываютъ эти пауки, имѣеть до бѣти футовъ въ диаметрѣ, причемъ каждая клѣтка этой сѣти имѣеть отъ одного квадратнаго дюйма (на краю сѣти) до одной десятой квадратнаго дюйма (въ центрѣ). Нити этихъ паутинъ отличаются необыкновенной прочностью. Дикари-горцы пользуются ими слѣдующимъ остроумнымъ способомъ. Въ мѣстности, где водится много пауковъ,

они выставляютъ длинный, особо устроенный бамбуковый остовъ невода, который черезъ нѣкоторое время оказывается покрытымъ паутинной сѣтью, послѣ чего и пускается въ дѣло. Дикари ловятъ въ горныхъ потокахъ такимъ неводомъ небольшихъ рыбъ, до фунта въ сомъ, причемъ ни отъ воды, ни отъ трепыханія рыбъ паутинная сѣть не рвется.

Ужасный случай произошелъ на дніяхъ въ Адріатическомъ морѣ въ небольшомъ курортѣ Санъ-Джіорно. Преподавательница плаванія послѣ урока отплыла на небольшое разстояніе отъ берега, когда въ морѣ появилась громадныхъ размѣровъ акула. Ее замѣтили съ берега и побѣжали къ лодкамъ, но акула бросилась на плавающую женщину, схватила ее и скрылась подъ водой вмѣстѣ со своей жертвой.

Дѣйствія солнечнаго свѣта на бактеріи. Солнечный свѣтъ, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ дезинфицирующихъ средствъ. Однако, если по опытамъ, описаннымъ Орси въ "Chemiker-Zeitung", солнечный свѣтъ хотя и производитъ уничтожающее дѣйствіе культуры бактерій, но уничтоженіе это не всегда бываетъ полнымъ. Такъ, послѣ 6—8 часовъ дѣйствія солнечнаго свѣта на культуру тифозныхъ

бациллъ часть ихъ,—правда, очень небольшая,—оставалась все таки живой и способной къ размноженію. Холерные бациллы при тѣхъ же условіяхъ оказывались еще жизнеспособнѣе тифозныхъ. Вирулентность тифозныхъ и холерныхъ бациллъ, разъ онѣ переживали дѣйствіе солнечнаго свѣта, нисколько не уменьшалась; наоборотъ, бульонная культура изъ этого испытанного на солнцѣ матеріала оказывалась значительно вирулентнѣе, чѣмъ культура изъ тѣхъ же бациллъ, взятыхъ до дѣйствія солнечнаго свѣта. Объясняется это тѣмъ, что дѣйствіе это переживали только самые крѣпкіе, жизнеспособные экземпляры, которые и давали затѣмъ крѣпкое потомство. Общая вирулентность культуры, подверженной дѣйствію солнца, все-таки сильно понижается, ибо хотя наиболѣе крѣпкія изъ бактерій остаются въ живыхъ, но абсолютное количество бактерій въ томъ же объемѣ бульона становится несравненно меньше, и, такъ сказать, плотность бациллонаселенія въ высокой степени ослабляется. Во всякомъ случаѣ можно считать за фактъ, что уничтожающая сила солнечнаго свѣта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе вирулентность подвергнутой его дѣйствію культуры бактерій.